

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)“1941/45”(049.32)

DOI: 10.32516/2303-9922.2022.42.17

Р. Р. Хисамутдинова

Рецензия на монографию: Мотревич В. П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург : Альфа Принт, 2021. 700 с.

В статье анализируется монография уральского историка Владимира Павловича Мотревича, в которой в историко-экономическом плане исследовано состояние материально-технической базы сельского хозяйства Урала в годы Великой Отечественной войны, решение проблемы массовых и квалифицированных кадров, показано управление отраслью, организация и оплата труда в условиях военного времени, состояние земледелия и животноводства, заготовок и закупок сельскохозяйственной продукции. Материалы книги освещают всесторонний вклад уральцев в Победу в Великой Отечественной войне. Достаточно много внимания уделено материальному положению сельчан, которое показывает жертвенный подвиг уральского крестьянства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Урал, Великая Отечественная война, материально-техническая база, земледелие и животноводство, заготовки и закупки, оплата труда, материальное положение.

Выход очередного фундаментального труда известного аграрника Урала Владимира Павловича Мотревича «Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны» является достаточно крупным событием в современной российской аграрной историографии. Более 40 лет ученый плодотворно трудится в этом научном направлении, радуя историков своими глубокими научными трудами. Первые его работы, посвященные сельскому хозяйству Урала, начинают выходить с 1981 г. Его монографии «Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны» [16], «Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950)» [17] оставили глубокий след в аграрной историографии Урала. Множество его научных статей опубликовано в серьезных научных журналах, в материалах международных и всероссийских конференций. Научные работы В. П. Мотревича отличают мощные статистические выкладки, постановка и решение фундаментальных проблем аграрного сектора экономики в условиях Великой Отечественной войны на материалах крупнейшего региона страны.

Хороший научный уровень монографии, взвешенный объективный подход к изучению проблем сельского хозяйства Урала в экстремальных условиях войны обусловлен ее разнообразной источниковой базой. В основу рецензируемой монографии положен анализ обширного комплекса архивных материалов и опубликованных источников. В числе архивных документов автором были использованы дела из 63-х фондов четырех центральных и десяти региональных государственных архивов страны: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Национального архива Республики Башкортостан, Центрального государственного архива Республики Удмуртия, Государственного архива Пермского края, государственных архивов Курганской, Оренбургской и Свердловской областей, Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного архива социально-политической истории Курганской области, Государственного ар-

© Хисамутдинова Р. Р., 2022

хива новейшей истории и общественно-политических движений Пермского края, Центра документации общественных организаций Свердловской области.

В работе также привлечены документальные материалы шести ведомственных архивов. По принятой в источниковедении видовой классификации использованные в исследовании документы можно разделить на ряд категорий: законодательные источники, делопроизводственная документация, составляющая самый крупный массив использованных в работе архивных материалов; документы партийных органов и организаций, позволяющие исследовать формы и методы руководства ими жизнью села; статистические материалы, особое место среди них занимают бюджеты семей колхозников. Огромную научную ценность представляют материалы сводных годовых отчетов сельхозпредприятий, особенно колхозов. Крупный массив неопубликованных источников о состоянии сельского хозяйства Урала в годы Великой Отечественной в республиканском и областном разрезе в сравнении с общесоюзными и общероссийскими показателями был впервые введен В. П. Мотревичем в научный оборот еще в 1993 г. [17].

Важным источником о населении СССР накануне Великой Отечественной войны является Всесоюзная перепись населения 1939 г. Относящиеся к Уралу рассекреченные материалы переписи в виде таблиц были опубликованы в сборнике ее материалов (составитель В. П. Мотревич) [9]. Определенный интерес для исследователей представляют периодические издания. Анализу были подвергнуты материалы 4 ежемесячных журналов и 18 центральных, республиканских, областных и районных газет. Использование такого мощного массива архивных документов обеспечило создание фундаментального труда.

Историографический анализ литературы представлен на высоком профессиональном уровне, что позволило автору сформировать свое концептуальное видение проблемы. В 1960—1980-е гг. советские историки много сделали для изучения истории советской деревни накануне и в годы Великой Отечественной войны. Следует отметить труды В. Т. Анискова [1], И. Е. Зеленина [13] и особенно Ю. В. Арутюняна [6]. Однако в условиях доминирования идеологических догм и недоступности многих ключевых материалов многие проблемы аграрной истории тех лет остались вне поля зрения авторов. Анализ региональной историографии уральской деревни советского периода свидетельствует, что данная проблематика военных лет разрабатывалась также достаточно интенсивно. Характерная черта опубликованных в этот период работ — постепенное повышение их качества во второй половине 1980-х гг. Значительно усилилась источниковая база увидевших свет публикаций, существенно расширилась исследовательская проблематика. В регионе сложился коллектив ученых, активно изучавших историю уральской деревни в 1930—1950-е гг.

На рубеже 1980—1990-х гг. в условиях изменения политической обстановки в стране наметился принципиально новый подход к оценке ключевых проблем аграрной истории советского периода. Его особенностью стала переоценка достижений предыдущей историографии, наметилась тенденция к деидеологизации исторических исследований. Важной чертой публикаций того времени стал методологический плюрализм. В условиях перестройки новому осмыслению истории советской деревни в огромной степени способствовало и существенное расширение источниковой базы. В 1990-е гг. отказ от многих постулатов советской историко-партийной науки и существенное расширение источниковой базы позволили исследователям по-новому подойти к изучению различных аспектов аграрной истории времен Великой Отечественной войны.

Одним из первых попытался по-новому подойти к освещению истории советского крестьянства в годы войны М. А. Вылцан, автор ряда фундаментальных монографий по аграрной истории советского периода. В 1995 г. им опубликован доклад, посвященный

советскому крестьянству в годы Великой Отечественной войны [10], где предпринята попытка нового подхода к целому ряду вопросов истории крестьянства в годы войны. Однако, критикуя целый ряд идеологических штампов советской историографии («массовый трудовой героизм», «сельское хозяйство одержало экономическую победу» и др.), М. А. Вылцан несколько преувеличивает негативные тенденции в развитии сельского хозяйства военных лет. По мнению В. П. Мотревича, само выражение М. А. Вылцана «Пиррова победа» является некорректным по отношению к тем испытаниям, которые пережила советская деревня в те годы, и с этим нельзя не согласиться [18, с. 9]. Несколько посвященных советской деревне в годы войны монографий опубликовал В. Т. Анисков [2—5]. Однако автор по-прежнему основное внимание уделил жертвенности и патриотизму советского крестьянства. В результате реальная ситуация в советской деревне тех лет, цена Победы, как и пути ее достижения, фактически остались вне поля зрения автора.

С начала 1990-х гг. достаточно активно аграрная история периода Великой Отечественной войны продолжала разрабатываться на Урале. Крупным явлением в региональной историографии стали монографии Г. Е. Корнилова [14; 15] и В. П. Мотревича [16; 17]. В 1991 г. также в Екатеринбурге вышла в свет монография М. И. Денисевича, посвященная ретроспективному анализу индивидуальных (личных) приусадебных хозяйств населения [12]. Монографии В. В. Филатова хронологически посвящены предвоенному периоду, однако они позволяют понять, с каким багажом подошло сельское хозяйство Урала к началу Великой Отечественной войны [19; 20]. В. П. Мотревич отмечает, что на значительных документальных материалах, в большинстве своем не введенных ранее в научный оборот, была подготовлена монография Р. Р. Хисамутдиновой [21], в которой анализируется состояние сельского хозяйства Урала в годы Великой Отечественной войны, в том числе исследуются его малоизвестные страницы. Результатом активной разработки уральскими исследователями различных сюжетов аграрной истории военных лет стал выход ряда монографических исследований на материалах Башкирии Г. Ф. Галлямовой [11] и Н. В. Ахмадиевой [7]. На материалах Южного Урала написана и недавно вышедшая совместная монография Р. С. Бахтиярова и А. В. Федоровой, посвященная состоянию животноводства на Южном Урале в годы войны [8].

Несмотря на такое количество монографий о сельском хозяйстве Урала в годы Великой Отечественной войны, многие вопросы оставались до сих пор вне поля зрения исследователей. Среди них отношения между крестьянством и государственными структурами, соотношение моральных, материальных и правовых стимулов к труду, состояние земледелия и животноводства в разрезе их многочисленных отраслей, развитие сельскохозяйственного производства в хозяйствах рабочих, служащих и единоличников, экономическая преступность в сельской местности и др. Практически неизученным остается сельскохозяйственное производство в подсобных хозяйствах, особенно в учреждениях пенитенциарной системы. Эта проблема особенно актуальна для Урала, на территории которого существовали огромные «лагерные империи». Не изучен и ставший недавно доступным крупный массив принятых в годы войны постановлений СНК СССР и СНК РСФСР по вопросам сельского хозяйства. В дополнительном исследовании нуждаются также вопросы состояния материально-технической базы отрасли, управления сельским хозяйством и организации труда в сельхозпредприятиях. Монография В. П. Мотревича восполняет эти лакуны, которые существуют до сих пор, хотя после Победы прошло почти 77 лет.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что проблема продовольственного обеспечения населения собственной страны остро стояла на протяжении многих

столетий и не потеряла своего значения в современном мире, особенно в экстремальных условиях.

Научная новизна работы состоит в том, что автором на основе мощного пласта новых архивных источников, в том числе рассекреченных архивных документов, создан фундаментальный труд, в котором сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны исследовано как комплексная научная проблема. Совокупный анализ источников позволил автору впервые в отечественной историографии на региональном уровне реконструировать объективную картину состояния и развития сельского хозяйства Урала в военные годы.

Труд состоит из 8 глав, в каждой из которых решается серьезная проблема.

В первой главе «Землепользование, численность и состав сельхозпредприятий» автор дал агроклиматическую характеристику Уральского региона, рассмотрел сельскохозяйственные угодья и землепользование, показал состав сельхозпредприятий (колхозы, МТС, совхозы, подсобные хозяйства), а также работу отделов рабочего снабжения.

Как пишет автор, в годы Великой Отечественной войны земельный фонд на Урале равнялся 83 млн. га, что составляло 4,9% территории РСФСР. Около половины земель на Урале были неудобны или непригодны для возделывания сельскохозяйственных культур. Особенно много таких земель находилось в нечерноземных районах [18, с. 27]. Он подчеркивает, что природно-климатические условия оказывали большое влияние на специализацию и концентрацию сельскохозяйственного производства на Урале, поэтому автономные республики и южноуральские области региона были гораздо лучше освоены по сравнению с нечерноземными районами [18, с. 28]. Нельзя не согласиться с мнением автора, что природно-климатические условия края оказывали заметное влияние и на распределение земель среди пользователей. В годы войны субъектами хозяйствования на землях сельскохозяйственного назначения были сельхозпредприятия — колхозы, совхозы, подсобные сельские хозяйства предприятий, организаций и учреждений, а также городские и сельские жители края. Самыми крупными из них были колхозы, по данным за 1945 г., на их долю приходилось 80,2% пашни. В нечерноземных областях с небольшими пахотными участками и низкой плотностью сельского населения преобладали колхозы.

Автор отмечает, что на Южном Урале с его большими массивами пашни и высокомеханизированным зерновым хозяйством значительной была роль совхозов. В промышленно развитых областях края — Молотовской, Свердловской, Челябинской — крупные участки земли находились в пользовании подсобных хозяйств промышленных предприятий, учреждений и организаций. В пригородных районах в сельском хозяйстве существенной была роль огородников.

Как показывает ученый, в годы войны на Урале, как и в других тыловых районах страны, в структуре сельскохозяйственных предприятий происходили многочисленные реорганизации. Часть советских хозяйств и машинно-тракторных станций разукрупняли, многие совхозы передавали предприятиям в качестве подсобных хозяйств, сократилось и число колхозов. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что за годы войны размеры земельного фонда на Урале не изменились, однако уменьшилась площадь посевов, тысячи гектаров земли были запущены и вышли из обработки. Изменилось и соотношение землепользователей. К концу войны их количество существенно возросло за счет развития огородничества и увеличения числа подсобных хозяйств предприятий и организаций, а землепользование колхозов и совхозов сократилось [18, с. 61—62].

Во второй главе «Материально-техническая база сельского хозяйства» автор рассматривает состояние материально-технической базы накануне войны, сокращение машинно-тракторного парка в годы войны, обеспеченность техники горюче-смазочными мате-

риалами (ГСМ), запасными частями, отдельно выделяя использование техники в 1943 г. и в последние военные годы, частично касается проблемы сельской электрификации.

Автор доказывает, что проводимая в 1930-е гг. в СССР модернизация сельского хозяйства обеспечила к началу Великой Отечественной войны на Урале преобладание в энергоресурсах отрасли тракторов, комбайнов и грузовых автомашин. Повышение технической оснащенности сельского хозяйства привело к тому, что наиболее трудоемкие процессы в земледелии были механизированы. На Урале уровень механизации основных полевых работ был выше, чем в других районах страны. Однако он отмечает, что на селе не была создана необходимая инфраструктура для хранения сельскохозяйственной техники, а темпы строительства МТС намного опережали развитие их ремонтной базы.

Он показывает, как и другие уральские аграрники, что начавшаяся война оказала огромное негативное воздействие на состояние материально-технической базы сельского хозяйства. Ухудшилась его техническая оснащенность, оставшийся парк машин остро нуждался в запасных частях, горючем и смазочных материалах, поступление которых многократно сократилось. Перестройка ремонтной и топливной базы в сельском хозяйстве была не всегда удачной, но она позволяла сохранить часть техники в работоспособном состоянии. В результате в 1941—1943 гг. объем производимых с помощью техники сельскохозяйственных работ заметно сократился. Это поставило сельхозпредприятия, особенно на Южном Урале, в крайне сложное положение, поскольку нагрузка посевных площадей на трудоспособных сельчан там существенно превышала общесоюзную.

Автор отмечает, что коренной перелом в ходе войны создал предпосылки для укрепления экономики СССР. Возобновились поставки сельскому хозяйству техники, улучшилось снабжение горючим и запасными частями, укреплялась материальная база ремонтных заводов, машинно-тракторных станций и мастерских, повысилась квалификация механизаторских и ремонтных кадров. В результате в 1944—1945 гг. в сельском хозяйстве стал возрастать объем проводимых с помощью техники работ, хотя до довоенных показателей ее использования было еще очень далеко [18, с. 126].

В. П. Мотревич подчеркивает, что важным элементом материально-технической базы сельского хозяйства является электрификация. Оценивая проводимую в годы войны сельскую электрификацию, историк отмечает, что ее роль и для сельскохозяйственного производства была невелика. Построенные сельские электростанции были небольшими и постоянно выходили из строя, основная часть электроэнергии шла на освещение крестьянских домов. Автор делает вывод, что в целом материально-техническая база сельхозпредприятий за годы войны была серьезно подорвана [18, с. 126].

Исследователь своей монографией подтверждает выводы, сделанные ранее уральскими учеными-аграрниками о том, что Великая Отечественная война оказала негативное воздействие на состояние материально-технической базы сельского хозяйства. Оставшийся парк машин остро нуждался в запасных частях, горючем, смазочных материалах и работал на износ. В целом материально-техническая база отрасли на Урале заметно ослабла. Особенно это отразилось на коллективных хозяйствах. Ручной труд становился основным при организации хозяйства, что чрезвычайно ограничивало возможности сельскохозяйственного производства. Сокращение деятельности МТС поставило многие колхозы на грань кризиса. Для его предотвращения в стране предпринимались энергичные и разнообразные меры, однако лишь улучшение материально-технического снабжения в конце войны позволило несколько стабилизировать положение в сельском хозяйстве [18, с. 125—126]. В этой главе автор, к сожалению, не уделил внимания использованию живого тягла в годы войны, особенно в многоземельных регионах (Башкирия и Чкаловская

область), где этот вопрос особенно остро стоял в связи с резким сокращением материально-технической базы сельского хозяйства.

Третья глава посвящена решению проблемы кадров, так как до 1943 г. деревня не имела брони, поэтому в связи с мобилизацией механизаторских кадров, специалистов и руководящего состава колхозов, совхозов и МТС эта проблема стояла на селе особенно остро [18, с. 127—186]. Автор подчеркивает, что если в первые годы войны убыль рабочей силы из колхозов удавалось частично компенсировать за счет не работавших ранее женщин, а также подростков, престарелых и нетрудоспособных колхозников, то в 1943—1944 гг. она уже не возмещалась. Даже в 1945 г., когда стали возвращаться демобилизованные, убыль рабочей силы превышала ее прирост. Пополнение колхозов работниками за счет вышеуказанных источников не компенсировало убыль трудоспособных не только в количественном, но и в качественном отношении. Среднегодовая выработка трудодней у мужчин была намного выше, чем у пришедших им на замену женщин, престарелых и подростков. Произошедшая замена была далеко не равноценной. Не решало проблему массовых сельских кадров и массовое привлечение на сельхозработы мобилизованных. Их труд был малопродуктивным, на их долю приходилась лишь небольшая часть выработанных в сельском хозяйстве трудодней. Поэтому основным путем возмещения убыли трудоспособных колхозников являлось увеличение производственной нагрузки на оставшихся колхозников [18, с. 186].

Автор обращает внимание на проблему использования в сельском хозяйстве спецконтингента, которая раньше слабо или совсем не затрагивалась историками [18, с. 156—159].

В. П. Мотревич считает, что еще сложнее обстояло с заменой руководящих и особенно квалифицированных кадров. Большинство из них в начале войны были призваны в армию. Отрицательно сказывалось на численности и качестве кадров и чрезмерное администрирование со стороны местных партийных, советских и хозяйственных органов, массовые необоснованные репрессии, которым подверглась значительная часть руководителей и специалистов сельхозпредприятий. Сложнейшей проблемой стала замена выбывших в РККА и мобилизованных на промышленные предприятия механизаторов. В годы войны удалось наладить их массовое воспроизводство, однако слабая теоретическая и особенно практическая подготовка механизаторов приводила к тому, что любая поломка техники означала ее длительный простой. К концу войны в связи с проводимой переподготовкой, а также возвращением части механизаторов из армии уровень их квалификации несколько повысился [18, с. 186].

В четвертой главе рассматривается управление отраслью и организация труда в сельском хозяйстве. Автор считает, что «в условиях войны, когда экономические стимулы в сфере производства еще более ослабли, административный нажим на сельчан, наоборот, усилился» [18, с. 228]. Нельзя не согласиться с мнением автора, что получившая широкое распространение еще в довоенные годы так называемая «система уполномоченных» во время войны стала ярким проявлением административного нажима на деревню [18, с. 204].

Ученый пишет, что «административный нажим способствовал созданию нездоровой морально-нравственной атмосферы на селе» [18, с. 231]. Автор подвергает критике существовавшую в годы войны схему управления сельским хозяйством СССР, которая представляла собой весьма громоздкую систему. Она строилась по производственно-территориальному принципу и имела ряд ступеней. Неудачной, по его мнению, была и система управления совхозами, которая отрывала их от местных органов власти и управления. Местным хозяйственным и партийным органам было сложно наладить связь с много-

численными управлениями и трестами, которым непосредственно подчинялись находящиеся на их территории совхозы. Автор считает, что в годы войны усилилась подмена советских и хозяйственных органов партийными структурами. В результате партийный аппарат на селе сосредоточил в своих руках необъятную власть. Уполномоченные и другие районные чиновники часто управляли сельхозартелями методом давления и угроз.

Накануне Великой Отечественной войны в стране принимались меры по улучшению организации труда в колхозах и МТС. Однако здесь по-прежнему сохранялись серьезные недостатки. В частности, труд в бригадах оставался обезличенным, создаваемые звенья были недолговечны. В годы войны еще более усилились возникшие в ходе коллективизации административно-командные методы управления колхозами, достигшие своего предела. Колхозы лишились остатков хозяйственной самостоятельности и были поставлены в полную зависимость от районного начальства. Это приводило к грубому администрированию, многочисленным злоупотреблениям со стороны партийных и советских органов, которые не несли ответственности за результаты хозяйственной деятельности колхозов [18, с. 235—236].

Глава 5 посвящена оплате труда в сельском хозяйстве и материальному положению сельчан. Автор показывает, что с началом войны эксплуатация колхозников государством заметно возросла. За счет повышения обязательного минимума трудодней и постоянно налагаемых на крестьян различных трудовых повинностей усилилось внеэкономическое принуждение их к труду. За их невыполнение сотни тысяч крестьян исключались из артелей и предавались суду. На Урале доля таких сельчан была высокой и значительно превосходила средний по стране уровень. Если учесть, что выработка трудодней колхозниками региона была выше общесоюзной, то существовавшее положение можно объяснить только особо жестким административным давлением на уральскую деревню.

В годы войны в колхозах произошло дальнейшее снижение роли трудодня. Обесцениванию трудодня способствовали как существовавший в те годы остаточный принцип распределения натуральных доходов колхозов среди его членов, так и сохранение устаревших норм выработки, плохо налаженный учет трудодней, их повсеместное разбазаривание, уравниловка в распределении доходов. Выработка трудодней в годы войны увеличилась, однако вследствие сокращения фондов распределения в колхозах выдача по трудодням сократилась. На долю, которую колхозы выделяли для оплаты трудодней, оставалось все меньше натуральной продукции, поскольку существовал остаточный принцип их оплаты. Такая оплата не интересовывала колхозников в подъеме производительности труда, поскольку и хорошо, и плохо работающие получали одинаково. В большинстве сельхозпредприятий материальные стимулы развития аграрного производства были незначительными, а у некоторых отсутствовали полностью [18, с. 285]. Предпринимаемые попытки согласовать оплату труда с его производительностью и тем самым поднять материальные стимулы к труду не дали ощутимых результатов. Причина неудач заключалась в том, что они не были увязаны с существовавшей системой планирования сельскохозяйственного производства.

Как подчеркивает автор, в обстановке слабой материальной заинтересованности колхозников накануне и в годы войны в стране предпринимались попытки увязать оплату труда с результатами производственной деятельности путем введения дополнительной оплаты труда. Однако применялась она только в отдельных передовых хозяйствах, для основной массы уральских колхозников дополнительная оплата труда не играла какой-либо заметной роли. Заметно уменьшилась и оплата труда работающих в сельском хозяйстве рабочих и служащих, за исключением занятых в обслуживании отрасли и ветеринарии. Практически полное отсутствие материальной заинтересованности колхозников в разви-

тии общественного хозяйства подтверждают и результаты обследования их бюджетов. В среднем $\frac{3}{4}$ своего рабочего времени крестьяне были заняты в колхозах и МТС, а основную часть натуральных и денежных доходов им приносило индивидуальное хозяйство.

Автор показывает, что на тяготы военного времени дополнительно наложилось усиление налогового бремени, которое еще больше ухудшило материальное положение крестьян, привело к дальнейшему ухудшению их питания. Историк считает, что тяжелейшее положение с продовольствием приводило к массовому голоду, который стал частым явлением в уральской деревне [18, с. 285]. С этим тезисом автора трудно согласиться. По нашим данным, на Урале были локальные очаги голода, но он не принимал массового характера.

В конце войны определенную помощь проживающим в Свердловской и Челябинской областях сельчанам оказало государство путем продажи нуждающимся небольшого количества зерна. Однако эта помощь на протяжении двух месяцев 1945 г. оказывалась только семьям военнослужащих и инвалидов войны. На основе изучения материально-бытового положения сельчан В. П. Мотревич приходит к выводу, что реальная деревенская действительность военных лет часто разительно отличалась от устоявшихся в отечественной литературе штампов [18, с. 285—286]. Несомненно, что отношение крестьян к установленным советской властью порядкам в деревне было неодинаковым. Большая часть колхозников оставалась лояльной к существующей системе, эта лояльность усиливалась отечественным характером войны. Однако, как пишет автор, многие крестьяне в обстановке существовавшей в деревне нищеты и бесправия проявляли недовольство существующими порядками. Это выражалось в скрытых формах социального протеста — саботаже общественных работ, отказе от уплаты налогов и выполнения различных трудгужповинностей, бегстве из деревни, а также распространении различных слухов, появлении листовок антисоветского содержания и даже диверсиях и др. [18, с. 286]. В условиях мизерной оплаты труда, перманентного голода и нарушения законности со стороны районного начальства достаточно распространенным явлением в деревне стало расхищение колхозной и совхозной собственности.

Глава 6 освещает проблемы развития ведущей отрасли сельского хозяйства на Урале — земледелия. Автор приходит к выводу, что в годы войны значительное ослабление материально-технической базы отрасли и массовый отток кадров из сельхозпредприятий были характерны для всей страны, однако отмечает, что в сельском хозяйстве Урала они проявлялись наиболее сильно. Убыль трудоспособных из уральской деревни превышала общесоюзный уровень, в результате нагрузка посевных и уборочных площадей на работников здесь была наивысшей. До войны с ней справлялись за счет механизации, в условиях военного времени сокращение деятельности МТС поставило сельских тружеников в крайне тяжелые условия. Особенно пострадало высокомеханизованное зерновое хозяйство на Южном Урале. Поздняя осень и ранняя зима заставляли тружеников сельского хозяйства региона укладываться в жесткие агротехнические сроки; в условиях войны это часто становилось невозможным. Отсюда смещение сроков всех полевых работ, резкое ухудшение агротехники, большой разрыв между посевными и уборочными площадями [18, с. 362].

По мнению автора, ухудшению положения в растениеводстве способствовали и рекомендации Наркомзема СССР весной 1942 г., направленные на внедрение в земледелие упрощенной агротехники, и проводимое в 1941—1942 гг. расширение посевных площадей, за счет чего правительство пыталось добиться роста сельскохозяйственного производства. Результатом стало распыление и без того недостаточных сил и средств, что еще более усилило негативное влияние войны [18, с. 362].

С серьезной проблемой сельхозпредприятия столкнулись в связи с нехваткой семян. Под угрозой уголовного преследования районные власти часто заставляли колхозы сдавать в хлебопоставки государству основную часть зерна, в том числе и семенного. Ужесточение требований по заготовкам, а также снижение урожайности приводили к тому, что колхозы не полностью засыпали семенные фонды. В результате, сдав на базы Заготзерно все зерно, в том числе и семенное, в следующем году в ходе посевных работ колхозы брали у государства семенную ссуду под 10% годовых. И затем, используя свой транспорт, везли по бездорожью сданное ими ранее зерно за много километров обратно в свою деревню. Однако партийное и советское начальство могли отчитаться перед областью об успешном проведении у себя в районе хлебозаготовительной кампании. Автор считает, что недостаток материальных и людских ресурсов, упрощенная агротехника — все это вело к большим потерям урожая. В результате в 1942 г. на Южном Урале была получена небывало низкая урожайность зерновых. В 1943 г. урожайность зерновых снизилась в 2,5—3 раза, что ненамного превышало количество посеянных семян. В целом в первые годы войны положение в земледелии на Урале было катастрофическим, поскольку оно развивалось по нисходящей линии. В отличие от уральской промышленности, которая уже с лета 1942 г. стала наращивать выпуск продукции, земледелие не только в 1942 г., но и в течение всего 1943 г. переживало упадок [18, с. 362—363].

В. П. Мотревич подтверждает свои выводы и выводы других аграрников, что некоторое улучшение в сельском хозяйстве наметилось только в 1944 г. в результате положительного сдвига в экономике страны в целом. Улучшение материально-технического снабжения отрасли, сокращение бесконечных мобилизаций сельского населения на разного рода работы, улучшение агротехники способствовали началу восстановления земледелия. К концу войны на Урале, особенно в ее промышленно развитых областях, наметились изменения в специализации отрасли. Быстрое развитие подсобных хозяйств промышленных предприятий, организаций и учреждений, массовое огородничество и формирование пригородных зон привели к сокращению одностороннего зернового направления. Огромные продовольственные трудности, часто переходящие в голод, привели к значительному росту посевов картофеля и овощей. Значительно больше внимания стали уделять и садоводству. Автор отмечает, что за годы войны изменилась и структура посевов зерновых культур. Примерно на треть сократились посевы яровой пшеницы, за счет нее стали расширять посевы озимой ржи, которая легче переносила ухудшение агротехники. К тому же это снижало напряженность весеннего сева, что было достаточно важно в условиях сокращения материальных ресурсов отрасли [18, с. 363].

В монографии показано, какие серьезные изменения за годы войны произошли в выращивании технических культур. На полях появляются посевы кок-сагыза и махорки, расширяются посевы сахарной свеклы. Одновременно произошло сокращение льноводства, уменьшились посевы подсолнечника. Существенные изменения произошли в размещении сельскохозяйственного производства. В годы войны многократно возросла роль северных районов, на территории которых быстро развивались различные отрасли промышленности. За счет развития подсобных сельских хозяйств там стала формироваться собственная продовольственная база. Однако, несмотря на некоторое улучшение в земледелии в конце войны, показатели его развития на Урале значительно отставали от довоенного уровня. Всего за 1942—1945 гг. вклад Урала в производстве продукции растениеводства в СССР в стоимостном выражении составил 9,3% [18, с. 364].

В тесной взаимосвязи с земледелием находится другая отрасль сельского хозяйства — животноводство, дающая наиболее ценные, высококалорийные продукты питания, раскрытию которой посвящена глава 7. Автор рассматривает вопросы развития

животноводства, отталкиваясь от показателей предвоенных лет. Историк положительно оценивает проведенную эвакуацию скота в тыловые районы, несмотря на большие потери в пути, ее результаты, по его мнению, значительно облегчили решение продовольственной проблемы в СССР: сдавая эвакуированный скот по мясопоставкам, колхозы и совхозы тыловых районов сохраняли собственное поголовье скота.

Оценивая итоги развития сельскохозяйственного производства в 1941—1943 гг., автор отмечает, что как в земледелии, так и в животноводстве доминировала тенденция к сокращению производства. Попытка увеличить объемы производимой растениеводческой продукции за счет расширения посевов привела к распылению сил и средств, ухудшению агротехники и падению урожаев, а попытка увеличить производство продукции животноводства за счет принудительно купленного у индивидуальных владельцев скота в условиях нехватки животноводческих помещений и кормов привела к массовому его падежу. В 1943 г. стало быстро сокращаться поголовье скота, снизилась его продуктивность, значительно уменьшились валовая продукция отрасли и заготовки животноводческой продукции. Преобладание административных методов руководства без учета реального состояния отрасли лишь усилило кризисное состояние сельского хозяйства. Тем не менее, как пишет автор, анализ состояния сельского хозяйства в 1941—1943 гг. показывает, что достигнутые в земледелии и животноводстве результаты существенно различались. По сравнению с земледелием количественные и качественные показатели в животноводстве оказались несколько выше и ближе к довоенному уровню. Различия в состоянии этих отраслей были следствием двух основных причин, которые выделяли еще советские аграрники. Во-первых, до войны в животноводстве, в отличие от земледелия, механизация производственных процессов не получила широкого распространения и не оказывала заметного влияния на его развитие. Поэтому ее снижение отразилось на животноводстве гораздо слабее, чем на земледелии. Во-вторых, война меньше затронула животноводческие кадры, состоящие в основном из женщин. Следовательно, по сравнению с земледелием разрушающее воздействие войны сказалось на животноводстве в меньшей степени [18, с. 430].

Положительные изменения в животноводстве наметились в 1944 г. и были напрямую связаны с улучшением дел в земледелии и экономике страны в целом. Важнейший показатель состояния животноводства — это динамика поголовья скота на протяжении исследуемого периода, которая свидетельствует, что на Урале уже в 1941 г. произошло заметное сокращение поголовья крупного рогатого скота. Автор считает, что в 1942 г. произошло незначительное увеличение поголовья, вызванное его контрактацией и запрещением забивать скот без разрешения районных властей. Надо добавить к этому еще одну причину — поступление эвакуированного скота. Затем последовал провал 1943 г. и медленный рост поголовья в 1944—1945 гг. Результаты развития отрасли в различных районах Урала были неодинаковы, об этом свидетельствует динамика ее валовой продукции. Анализ динамики показывает, что если в Башкирии, Удмуртии, Курганской и Челябинской областях валовая продукция животноводства за годы войны сократилась, то в Молотовской и Свердловской областях она, наоборот, возросла. В целом животноводство вышло из войны в гораздо лучшем состоянии, чем земледелие. Этот факт доказывают как качественные, так и количественные показатели развития отраслей [18, с. 431—432].

В главе 8 раскрываются проблемы заготовки и закупки сельскохозяйственной продукции в условиях войны. Автор подтверждает выводы других аграрников, что бесспорными лидерами по сдаче зерна государству в годы войны были Башкирия и Чкаловская область. При анализе результатов хлебозаготовок в отдельных областях обращают на себя внимание крупные размеры возвращенных семенных ссуд в южноуральских об-

ластях. Это свидетельствует о том, что хлебозаготовки в нечерноземных районах края проходили легче, чем на Южном Урале. По заготовкам картофеля и сена в годы войны лидировали Башкирия, Молотовская и Свердловская области, овощей — Свердловская область, по мясopоставкам — Башкирия и Чкаловская область, по шерсти лидировали Башкирия и южноуральские области. На Башкирию и Чкаловскую область приходились почти вся заготовленная и закупленная на Урале сахарная свекла и семена подсолнечника, а все льноволокно заготовили в Удмуртии и Молотовской области. По сдаче молока лидировали Башкирия, Молотовская и Чкаловская области [18, с. 529—530].

В Заключении монографии подведены итоги исследования. Автор считает, что созданная в 1930-е гг. в СССР мобилизационная модель функционирования страны была в полной мере реализована с началом Великой Отечественной войны и распространена на все сферы экономики и общественной жизни. В условиях страшной войны, используя всю мощь тоталитарного государства, Советскому Союзу удалось максимально ограничить потребление гражданского населения, установить его на немыслимом для цивилизованных стран уровне и сконцентрировать все средства и силы на развитии военной промышленности. Автору представляется бесспорным, что во время Великой Отечественной войны «сверхцентрализм» и государственное принуждение сыграли положительную роль в мобилизации ресурсов, концентрации усилий и в конечном счете обеспечили Победу.

По мнению ученого, огромный массив документальных материалов показывает, что созданная в результате сталинской модернизации деревни полукрепостническая колхозная система оказалась хорошо приспособленной для нужд обороны. Она облегчила государственным структурам мобилизацию всех сил и средств на борьбу с врагом и позволила фактически бесплатно изымать у сельхозпроизводителей даже необходимую для простого воспроизводства продукцию. Путем применения чрезвычайных мер организационного и правового характера государству в целом удалось обеспечить функционирование сельского хозяйства и снабдить собственное население необходимым минимумом продовольствия. Однако достигнуто это было за счет колоссальных усилий крестьянства и огромных жертв сельчан.

Автором все показатели развития сельского хозяйства по все областям и автономным республикам Урала в годы Великой Отечественной войны систематизированы и сведены в 89 таблиц, шесть диаграмм и три гистограммы, что является мощной доказательной базой исследования и показывает фундаментальность труда.

В работе имеются указатели: именной [18, с. 619—623], географический [18, с. 624—632], предприятий, организаций и учреждений [18, с. 633—667], список сокращений [18, с. 667—669], что дает возможность легко найти необходимую информацию. Автором проделана потрясающая работа по составлению богатого Приложения [18, с. 670—699], в котором представлена сельскохозяйственная техника, используемая в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны (фотографии вместе с описанием технических характеристик).

В целом монография Владимира Павловича Мотревича вносит серьезный вклад в аграрную историографию Великой Отечественной войны и крестьяноведения.

Список использованной литературы

1. Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту. Барнаул : Алтайское кн. изд-во, 1966. 371 с.
2. Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни: Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск : Сиб. отделение РАН, Ин-т истории, 1993. 244 с.

3. Анисков В. Т. О бедной деревне замолвите слово... 1941—1945—19???. Социальная жертвенность и судьба крестьянства: Научная публицистика. Вологда ; Ярославль, 1996. 206 с.
4. Анисков В. Т. Война и судьбы российского крестьянства. Вологда ; Ярославль, 1998. 288 с.
5. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941—1945. История и психология подвига. М. : Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.
6. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1970. 466 с.
7. Ахмадиева Н. В. Башкирская деревня в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. 180 с.
8. Бахтияров Р. С., Федорова А. В. Животноводство на Южном Урале в условиях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2019. 208 с.
9. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион : сб. материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.
10. Вылцан М. А. Крестьянство России в годы большой войны, 1941—1945. Пиррова победа. М. : РНФ, 1995. 79 с.
11. Галлямова Г. Ф. Колхозы Башкирской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. Уфа : Изд-во БашГУ, 2011. 144 с.
12. Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930—1985 гг.). Екатеринбург : УрО АН СССР, 1991. 196 с.
13. Зеленин И. Е. Совхозы СССР (1941—1950). М. : Наука, 1969. 344 с.
14. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.
15. Корнилов Г. Е. Уральское село и война (проблемы демографического развития). Екатеринбург : Уралагропресс, 1993. 174 с.
16. Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 196 с.
17. Мотревич В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.). Екатеринбург : Наука. Урал. отделение, 1993. 306 с.
18. Мотревич В. П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург : Альфа Принт, 2021. 700 с.
19. Филатов В. В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х — начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. Магнитогорск : Изд-во МГТУ, 2006. 453 с.
20. Филатов В. В. Уральское село, 1927—1941 гг.: продуктовые и денежные повинности. Магнитогорск : Изд-во МГТУ, 2007. 370 с.
21. Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2002. 300 с.

Поступила в редакцию 28.02.2022

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-3546-0683

UDC 94(47)“1941/45”(049.32)

R. R. Khisamutdinova

Review of the monograph: *Motrevich V. P. Contribution to the Victory: the agriculture of the Ural region during the Great Patriotic War. Yekaterinburg: Alfa Print Publ., 2021. 700 p.*

The article analyzes the monograph of the Ural historian Vladimir Motrevich, in which, in historical and economic terms, he studies the state of the material and technical base of agriculture in the Urals during the Great Patriotic War, finds the solution to the problem of mass and qualified personnel, shows the management of the industry, the organization and remuneration of labor in military conditions, reveals the state of agriculture and animal husbandry, as well as procurement and purchases of agricultural products. The materials of the book cover the comprehensive contribution of the Ural dwellers to the Victory in the Great Patriotic War. Quite a lot of attention is paid to the financial situation of the villagers, which shows the sacrificial feat of the Ural peasantry.

Key words: agriculture, the Ural region, the Great Patriotic War, material and technical base, agriculture and animal husbandry, procurement and purchases, wages, financial situation.

Khisamutdinova Ravilya Rakhimyanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-3546-0683

References

1. Aniskov V. T. *Kolkhoznoe krest'yanstvo Sibiri i Dal'nego Vostoka — frontu* [The collective farm peasantry of Siberia and the Far East — to the front]. Barnaul, Altaiskoe kn. izd-vo Publ., 1966. 371 p. (In Russian)
2. Aniskov V. T. *Zhertvennyi podvig derevni: Krest'yanstvo Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Sacrificial Feat of the Village: The Peasantry of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Sib. otdelenie RAN, In-t istorii Publ., 1993. 244 p. (In Russian)
3. Aniskov V. T. *O bednoi derevne zamolvite slovo... 1941—1945—19???. Sotsial'naya zhertvennost' i sud'ba krest'yanstva: Nauchnaya publitsistika* [Say a word about the poor village... 1941—1945—19???. Social sacrifice and the fate of the peasantry: Scientific journalism]. Vologda, Yaroslavl, 1996. 206 p. (In Russian)
4. Aniskov V. T. *Voina i sud'by rossiiskogo krest'yanstva* [War and the fate of the Russian peasantry]. Vologda, Yaroslavl, 1998. 288 p. (In Russian)
5. Aniskov V. T. *Krest'yanstvo protiv fashizma. 1941—1945. Istoriya i psikhologiya podviga* [Peasantry against fascism. 1941—1945. History and psychology of achievement]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2003. 502 p. (In Russian)
6. Arutyunyan Yu. V. *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 2-e izd., dop.* [Soviet peasantry during the Great Patriotic War. 2nd ed., add.]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 466 p. (In Russian)
7. Akhmadieva N. V. *Bashkirskaya derevnya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941—1945)* [Bashkir village during the Great Patriotic War (1941—1945)]. Ufa, IYal UNTs RAN Publ., 2014. 180 p. (In Russian)
8. Bakhtiyarov R. S., Fedorova A. V. *Zhivotnovodstvo na Yuzhnom Urals v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 gg.* [Animal husbandry in the South Urals during the Great Patriotic War of 1941—1945]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2019. 208 p. (In Russian)
9. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skii region: sb. materialov* [All-Union census of the population of the USSR in 1939: the Ural region. Collection of materials]. Yekaterinburg, Gumanitarnyi un-t Publ., 2002. 372 p. (In Russian)
10. Vyltsan M. A. *Krest'yanstvo Rossii v gody bol'shoi voiny, 1941—1945. Pirrova pobeda* [Peasantry of Russia during the Great War, 1941—1945. Pyrrhic victory]. Moscow, RNF Publ., 1995. 79 p. (In Russian)
11. Gallyamova G. F. *Kolkhozy Bashkirskoi ASSR nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Collective farms of the Bashkir ASSR on the eve and during the Great Patriotic War]. Ufa, BashGU Publ., 2011. 144 p. (In Russian)
12. Denisevich M. N. *Individual'nye khozyaistva na Urals (1930—1985 gg.)* [Individual farms in the Ural (1930—1985)]. Yekaterinburg, UrO AN SSSR Publ., 1991. 196 p. (In Russian)

13. Zelenin I. E. *Sovkhozы SSSR (1941—1950)* [State farms of the USSR (1941—1950)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 344 p. (In Russian)
14. Kornilov G. E. *Ural'skaya derevnya v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941—1945 gg.)* [Ural village during the Great Patriotic War (1941—1945)]. Sverdlovsk, Ural. un-t Publ., 1990. 221 p. (In Russian)
15. Kornilov G. E. *Ural'skoe selo i voina (problemy demograficheskogo razvitiya)* [Ural village and war (problems of demographic development)]. Yekaterinburg, Uralagropress Publ., 1993. 174 p. (In Russian)
16. Motrevich V. P. *Kolkhozы Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Collective farms of the Ural during the Great Patriotic War]. Sverdlovsk, Ural. un-t Publ., 1990. 196 p. (In Russian)
17. Motrevich V. P. *Sel'skoe khozyaistvo Urala v pokazatelyakh statistiki (1941—1950 gg.)* [Agriculture of the Ural in terms of statistics (1941—1950)]. Yekaterinburg, Nauka. Ural. otделение Publ., 1993. 306 p. (In Russian)
18. Motrevich V. P. *Vklad v Pobedu: sel'skoe khozyaistvo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Contribution to the Victory: Ural agriculture during the Great Patriotic War]. Yekaterinburg, Al'fa Print Publ., 2021. 700 p. (In Russian)
19. Filatov V. V. *Sel'skokhozyaistvennoe proizvodstvo na Urale v kontse 1920-kh — nachale 1940-kh gg.: protivorechiya transformatsii* [Agricultural production in the Urals in the late 1920s — early 1940s: the contradictions of transformation]. Magnitogorsk, MGTU Publ., 2006. 453 p. (In Russian)
20. Filatov V. V. *Ural'skoe selo, 1927—1941 gg.: produktovye i denezhnye povinnosti* [Ural village, 1927—1941 food and cash payments]. Magnitogorsk, MGTU Publ., 2007. 370 p. (In Russian)
21. Khisamutdinova R. R. *Sel'skoe khozyaistvo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Maloizvestnye stranitsy* [Agriculture of the Ural during the Great Patriotic War. Little known pages]. Orenburg, OGPU Publ., 2002. 300 p. (In Russian)